

УДК 930.85

А. Е. Загребин, В. Э. Шаранов

**МУЗЕЙНАЯ ЭТНОГРАФИЯ В КОНТЕКСТЕ
ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ФИННО-УГРОВЕДЕНИЯ
В СССР (1920–1930-е гг.)¹**

В статье предлагается обсуждение вопроса о роли этнографических финно-угорских исследований в советском национальном строительстве. В частности, рассматривается тема репрезентации этничности/этнической идентичности в различных областях музейного дела: экспедициях, краеведческой и просветительской работе, экспозиционной деятельности. Значительное внимание уделяется полевым исследованиям московских и ленинградских этнографов, которые принимали участие в формировании коллекций региональных краеведческих музеев и конструировании «аутентичных» визуальных образов финно-угорских народов в советском этнографическом портрете «семьи народов СССР». Одним из ключевых является вопрос о том, как соотносилась в экспедиционной практике этнографическая действительность и преобразовательная перспектива советского национального строительства. Роль института музеев в национальных движениях актуализируется в недавних исследованиях по истории отечественной этнографии и в ходе реализации различных этнопроектов. По мнению авторов, этнографы, которые проводили экспертные и научные исследования, являлись посредниками в диалоге-конфликте местных сообществ с органами власти в выстраивании регионального национального дискурса.

Ключевые слова: финно-угорские народы, этнография, музеи, этничность, идентитет.

DOI: 10.35634/2224-9443-2021-15-4-715-721

Этнографические исследования финно-угорских народов, проводимые в СССР, в значительной мере были ориентированы на изучение этнической истории и традиционной культуры, одновременно подразумевая научное фундирование работ по конструированию идеологически выдержанной «новой» национальной идентичности. Энтузиазм, вызванный достижениями первых советских десятилетий «культурного строительства» в центре и на местах, позже сменился жесткой регламентацией исследовательских мероприятий и сверкой итоговых результатов с плановыми показателями. Печальной судьбе многих этнографов тех лет было посвящено немало публикаций, нашей же задачей является попытка показать, какими путями и чьими трудами продвигалось советское этнографическое финно-угроведение в отмеченное время, как осуществлялся и освещался переход от одной модели презентации этничности к другой. Одним из маркеров такого перехода была, как нам представляется, история региональных музеев, вобравшая в себя драматургию взаимоотношений, характерных для становления советской этнографии и советского финно-угроведения как её органической части, имеющей вместе с тем свою родовую специфику.

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ в рамках проекта № 21-09-43116 «Советская этнография в истории государственного строительства и национальной политики СССР».

Этнографическое время и музеи

История советских этнографических финно-угорских исследований, включая выбор предмета, проблемного поля и методики, до настоящего времени остается открытой темой. Одна из причин её малоизученности, вероятно, заключается в том, что научный дискурс советского периода обусловлен не только тематикой, но и идеологиями, провоцирующими применение определенных моделей историописания. Это обстоятельство было отмечено в публикациях, анализирующих теоретическую борьбу в советской этнографии в переломные 1920–1930-е гг. [Соловей 2004, 192–227]. Краеведческий импульс как часть либеральной парадигмы в этнографической науке СССР предполагал мобилизацию широкой общественности с целью создания максимально подробного описания страны. Приоритет этнографии и тесно связанных с ней археологии, фольклористики и языкового строительства в формирующихся советских автономиях был обусловлен не только зачаточным состоянием региональной историографии [Загребин, Мельникова 2014, 166]. Важную роль играло также стремление властей в короткие сроки сконструировать каркас выставки достижений или стремительных шагов «из тёмного прошлого в светлое будущее» [Советская этнополитика]. Господдержка местных собирательских инициатив, наряду с экспедициями научных работников Москвы и Ленинграда, создавала образ предметного консенсуса, внутри которого была масса противоречий, свойственных эпохе «культурной революции».

Трудность регулирования и смещения акцентов в презентации региональной истории и культуры, согласно колебаниям генеральной линии правящей партии, предопределила дальнейшую институционализацию краеведения [Загребин, Куликов 2014, 60–62]. Научные общества, основанные на принципах добровольного членства, зачастую возникшие и функционировавшие в предшествующую историческую эпоху, были к началу 1930-х гг. трансформированы, а в советских национальных автономиях обращены в государственные научные институты, ответственные за комплексное изучение краевых ресурсов. Функцию подготовки исследовательских кадров возложили на создаваемые на местах вузы, преимущественно педагогического профиля, и на «распределяемые» кадры. Примечательно, что, управляя этими изменениями, власти в меньшей степени коснулись организации музейной деятельности.

Музей, воспринимая обязательные идеологические метки и технологические новации, виделся в качестве некоей этнографической константы, хранящей эталонные предметы той или иной культурной традиции. Коллекции маркирующих вещей и связанные с ними истории будут раскрывать большой эристический потенциал по мере нашего удаления от рассматриваемой эпохи, с учётом и при условии объективизации источниковой базы, снижения разного рода оценочных рисков. В рамках сказанного было бы небезынтересно проследить те тенденции, что возникали и сопровождали музейное строительство в регионах с финно-угорским населением, где общесоюзные этнографические задачи сопрягались со спецификой финно-угорской этнографии.

Музейное пространство и этнография

Начало 1920-х гг. было ознаменовано дискуссией между представителями разных течений в музейной этнографии о том, как и на каких принципах строить организацию выставок. В одном случае во главу угла выносился «охват», то есть популяризация; в другом – «содержание», с уклоном на научную состоятельность выставочного мероприятия [От классиков к марксизму]. Ещё одним проблемным местом было то, что же избрать методологическим ориентиром – фактор географической близости представляемых этнических групп либо факты общности происхождения соседствующих на одной территории народов, равно как и их отсутствие. В этой связи актуализировался вопрос о соотношении в этнографической экспозиции «вещей» и «текстов» [Бертран 2003, 96]. Расставленные в тематической и хронологической последовательности народные костюмы, орудия труда и предметы быта далеко не всегда удовлетворя-

ли этногенетическим установкам идеологов, и тогда выставки приходилось щедро раскрашивать кумачом лозунгов, подкреплять цифрами статистики и иллюстрирующими картосхемами.

Во всех случаях и вариантах становление музейного дела в СССР было невозможно без подвижничества организаторов, чья работа по конструированию этнографических картин и этнических образов опиралась на общественный запрос и государственный интерес. Не случайно практически все активные участники музеефикации финно-угорской этнографии были в той или иной степени включены в политический процесс. Это произошло, например, с одним из основателей Коми автономии Д. А. Батиевым, который стал в 1924 г. председателем Общества изучения Коми края, инициатором издания краеведческого журнала «Коми му» и в скором времени возглавил Коми областной музей [Жеребцов, Таскаев 2016, 57]. Существование музейщиков в ситуации «между» позволяло извлекать пользу даже в том, что музей был местом, где позволялось сохранять этнографию, когда со второй половины 1930-х гг. её оставалось совсем немного в других научно-образовательных институтах.

Синтетический характер вхождения и адаптации финно-угорских этнографических материалов в музейное пространство отчетливо проявился на региональном уровне, когда в областных столицах создавались музеи местного края. Считается, что музейное дело в Коми крае было связано с развитием народоведческого движения на Русском Севере на рубеже XIX–XX вв. и формированием национального самосознания коми-зырян как финно-угорского народа [Рогачёв 2006, 30]. Идея «зырянского музея» продуцировалась ведущей краеведческую работу коми интеллигенцией, прежде всего – студентом Московского университета, а впоследствии профессором этнографии В. П. Налимовым и учителем А. А. Цембером [Терюков 2011, 347]. Ментально их «музей» вырос из личного восприятия коми народной культуры, корнями уходя в детские впечатления и наблюдения. Методически он состоял из впечатлений от посещаемых выставок, экспедиционных бесед и переписки с профессионалами, среди которых на первом месте был финский этнограф У. Т. Сирелиус.

В 1907 г. поездка У. Т. Сирелиуса к пермским народам – коми и удмуртам открыла финно-угорский мир многим его помощникам [Загребин, Шарапов 2008]. Музейщик по складу ума, Сирелиус показывал, как предметы могут превращаться в смыслы, служа проводниками в общее прошлое [Загребин 2019]. Его восприимчив и стипендиат Финно-Угорского Общества В. П. Налимов затем на протяжении всей жизни искал скрепы, что связывают «слова» и «вещи», одним из первых обратившись к сюжетам из коми (финно-угорской, уральской) мифологии [Налимов 2010]. Пермская экспедиция Сирелиуса, даже в одном скромном по времени общении моменте, дала обильные всходы, реализуясь в многолетней научно-собирательской работе сельского учителя Т.Е. Евсевьева, в 1920 г. организовавшего Марийский областной краеведческий музей [Лехтинен 2002, 31–35]. Собирая вещевые коллекции по методикам «краткосрочных курсов» этнографии финно-угорских народов У. Т. Сирелиуса, а через два года работая в поле вместе с финскими этнографами А. О. Хейкелем и А. Хямяляйненом, Евсевьев дважды побывал на стажировках у финских коллег, став в 1923 г. свидетелем открытия финно-угорского отдела в Национальном музее Финляндии [Сепеев 2002, 89–90]. Эхо «пермской экспедиции» по-своему коснулось Ижевского музея местного края (позднее – Областного краеведческого музея), когда после нескольких малопродуктивных лет в 1926 г. его возглавил поэт, этнограф и фольклорист К. П. Чайников (Кузубай Герд) [Загребин, Юрпалов 2011, 5]. В студенческие и аспирантские годы Герд многому научился, работая в Центральном музее народоведения, там же в Москве он познакомился с В. П. Налимовым, ставшим одним из учредителей Общества по изучению удмуртской культуры «Бöляк», редактором сборника «Вотяки» и организатором одной из значимых экспедиций к удмуртам [Загребин, Шарапов 2010]. В понимании К. Герда, «удмуртский музей» должен был быть не просто выставкой красиво разложенных старых вещей, а своего рода «материализованным воплощением этничности». Стремясь совершенствоваться, Герд просит Главнауку и Облисполком о стажировке в Хельсинки, где в университете нужные ему лекции читает профессор У. Т. Сирелиус [Жеребцов, Загребин, Шарапов,

Юрпалов 2012, 80–81]. Стажировки тогда не случилось, но научное общение с преемником Си-релиуса по кафедре финно-угорской этнографии, профессором А. Хямляйненем и доцентом С. Халтсоненом помогло К. Герду, вернувшемуся к работе над диссертацией, в публикации статей за рубежом.

Строя музейные дома, формируя экспозиции и даже анкетировав крестьян, советские финно-угроведы отдавали себе отчет, что искомая традиционная культура, казалось, ещё вчера находившаяся сразу за городской чертой, сегодня исчезает под влиянием модернизации, с недавних пор получившей идеологическую окраску [Революция для всех]. Это обстоятельство побудило директора Центрального музея народоведения Б. М. Соколова ориентировать молодых сотрудников на плотную работу в поле, уже в 1925 г. выделяя в приоритет Восточно-финскую экспедицию. Экспедиционный отряд во главе с учеником профессора Соколова, мордовским этнографом М. Т. Маркеловым, включая К. П. Герда и юную В. Н. Белицер, начал с изучения марийской культуры, проведя сезоны 1930 и 1931 гг. среди разных этнографических групп удмуртов [Загребин, Чураков 2012, 134]. Соединяя в полевой работе оба «музея» – центральный поликультурный и региональный, преимущественно финно-угорский, участники экспедиции неожиданно для себя заметили, что оказались в самой сердцевине нарастающего конфликта.

Нападки на крестьянскую архаику и дискредитация общины, начавшиеся в 1928 г. с так называемого «лудорвайского дела», совместились с пролеткультовскими атаками на безыдейную творческую интеллигенцию – «гердовщину». Разворачивающаяся на глазах этнографов драма коллективизации потребовала безоговорочного принятия совершаемого коренного перелома. В 1931 г. в местной печати появляются материалы, содержащие прямую критику экспедиции за то, что учёные излишне тщательно выискивают «пережитки прошлого» в быту удмуртов, словно намеренно игнорируя успехи советской власти [Загребин 2014, 128]. Настоящий «гром» грянул в следующем году, когда нижегородским ОГПУ был запущено так называемое «дело СОФИН», фигурантами которого стали практически все этнографы – финно-угроведы (В. П. Налимов, Т. Е. Евсевьев, М. Т. Маркелов, К. П. Герд и многие другие), обвиненные в шпионаже в пользу Финляндии и получившие разные сроки заключения [Загребин, Куликов 1997, 172]. Трагедия репрессий подвела физическую черту под недостроенным зданием «финно-угорского музея», и когда В. Н. Белицер выехала в 1938 г. в свою последнюю удмуртскую экспедицию, из прежнего состава она была одна.

Проблемы преемственности

Война, эвакуация и послевоенное восстановление этнографии в правах легитимной науки не могли не отразиться на судьбе финно-угорской этнографии в СССР, как казалось, окончательно сошедшей с исследовательской орбиты. Однако этого не произошло. Когда перед Институтом этнографии АН СССР была поставлена задача изучения культуры Советской Прибалтики, одной из научных баз Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции стал Эстонский национальный музей, правда, переименованный в Государственный музей этнографии Эстонской ССР. Вновь и вновь отправляясь в 1940–1960-е гг. в экспедиции к коми, коми-пермякам и мордве, В. Н. Белицер встречалась с сотрудниками республиканских краеведческих музеев. Конечно, новое поколение музейщиков уже не знало лично своих предшественников, но через коллекции, описи и книги оно приняло миссию сохранения финно-угорского культурного наследия.

ЛИТЕРАТУРА

Жеребцов И. Л., Таскаев М. В. Коми национальное движение: от эсеров до наших дней. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2016. 88 с.

Жеребцов И. Л., Загребин А. Е., Шаранов В. Э., Юрпалов А. Ю. Этнографический музей и идентичность: к предыстории формирования музейных коллекций пермских народов (коми и удмуртов) // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2012. Вып. 1. С. 78–82.

Загребин А. Е. Ууно Таави Сирелиус и его «этнографическая вера» // Этнографическое обозрение. 2019. № 2. С. 150–166.

Загребин А. Е., Куликов К. И. Советское финно-угроведение 1920–1930-х гг.: первые действия и противодействия // Проникновение и применение дискурса национального в России и СССР в кон. XVIII – пер. пол. XX вв. / ред. И. Яатс, Э. Таммиксаар. Тарту: ЭНМ, 2011. С. 163–176.

Загребин А. Е., Куликов К. И. Этнографический поворот в «проблемных полях» истории Удмуртии (1920-е – нач. 1930-е гг.) // Ежегодник финно-угорских исследований. 2014. Вып. 3. С. 59–70.

Загребин А. Е., Мельникова О. М. Конструирование национальной истории Удмуртии от устной исторической прозы к письменной истории (1920–1930-е гг.) // Диалог со временем. 2014. Вып. 48. С. 165–180.

Загребин А. Е., Чураков В. С. Вклад М. Т. Маркелова в изучение этнографии удмуртов // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2012. № 3. С. 133–139.

Загребин А. Е., Шарапов В. Э. К истории «пермской экспедиции» У. Т. Сирелиуса // Этнографическое обозрение. 2008. № 1. С. 110–117.

Загребин А. Е., Шарапов В. Э. Новые материалы об экспедиции В. П. Налимова в Удмуртию (1926 г.) // Вестник Поморского университета. Серия: гуманитарные и социальные науки. 2010. № 6. С. 10–14.

Загребин А. Е., Юрпалов А. Ю. Из истории этнографического музееведения: Ижевский музей местного края (1920-е гг.) // Вестник Поморского университета. Серия: гуманитарные и социальные науки. 2011. № 10. С. 4–9.

Куликов К. И. Дело «СОФИН». Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 368 с.

Лехтинен И. Хранитель национальной культуры // Тимофей Евсевьев: этнографические коллекции. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 2002. С. 7–46.

Налимов В. П. Очерки по этнографии финно-угорских народов / Ред.-сост. А. Е. Загребин, В. Э. Шарапов. Ижевск-Сыктывкар, 2010.

От классиков к марксизму: совещание этнографов Москвы и Ленинграда (5–11 апреля 1929 г.) / под. ред. Д. В. Арзютова С. С. Алымова, Д. Дж. Андерсона. СПб.: МАЭ РАН, 2014. 511 с.

Революция для всех. Анкеты Вятского научно-исследовательского института краеведения «Влияние революции на быт нацмен» (1924–1927 гг.) / Сост., науч. ред., введ. и коммент.: А. Е. Загребина и А. А. Иванова. Ижевск–Йошкар-Ола: УИИЯЛ УрО РАН, МарГУ. 2008. 500 с.

Рогачёв М. Б. Общественная жизнь в Усть-Сысольске (XIX – начало XX вв.) // Повседневная жизнь Коми края. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2006. С. 13–33.

Сенеев Г. А. Финские ученые и традиционная этнография марийцев // Финские ученые о языке и культуре марийского народа. Йошкар-Ола, 2002. С. 81–92.

Советская этнополитика, 1930–1940-е годы. Сборник документов / Сост. Л. С. Гатагова. М.: ИРИ РАН, 2012. 394 с.

Соловей Т. Д. Власть и наука в России. Очерки университетской этнографии в дисциплинарном контексте (XIX – начало XXI вв.). М.: Прометей, 2004. 498 с.

Терюков А. И. История этнографического изучения народов коми. СПб.: МАЭ РАН, 2011. 514 с.

Поступила в редакцию 18.10.2021

Загребин Алексей Егорович,

доктор исторических наук, профессор РАН,

ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»,

426034, Россия, Ижевск, ул. Университетская, 1,

главный научный сотрудник,

Институт этнологии антропологии РАН им. Н. Н. Миклухо-Маклая,

119991, Россия, Москва, Ленинский просп. 32А,

e-mail: zagreb72@izh.com

Шарапов Валерий Энгельсович,

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник,

Институт языка, литературы и истории ФИЦ «Коми НЦ УрО РАН»,

167982, Россия, Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26,

e-mail: sharapov@online.ru

A. E. Zagrebin, V. E. Sharapov

MUSEUM ETHNOGRAPHY IN THE CONTEXT OF ETHNOGRAPHIC FINNO-UGRIC STUDIES IN THE USSR (1920s–1930s).

DOI: 10.35634/2224-9443-2021-15-4-715-721

This paper offers a discussion of the role of ethnographic Finno-Ugric studies in Soviet nation building. In particular, it is concerned with the issue of representation of ethnicity/ethnic identity in various fields of museum studies: expeditions, local history, educational work, and exhibition activities. Special attention is paid to the field studies of Moscow and Leningrad ethnographers who participated in the formation of collections of regional museums of local lore and the construction of “authentic” visual images of Finno-Ugric peoples in the Soviet ethnographic portrait of the “family of peoples of the USSR”. One of the key questions is how the ethnographic reality and the transformative perspective of Soviet nation building correlated in the expedition practice. The role of the institute of museums in national movements is emphasized in recent studies of the history of Russian ethnography and the implementation of various ethnographic projects. In the authors’ opinion, ethnographers who conducted expert and scientific research, acted as intermediaries in the dialogue/conflict between local communities and authorities in building a regional national discourse.

Keywords: Finno-Ugric peoples, ethnography, museums, ethnicity, identity, USSR

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2021, vol. 15, issue 4, pp. 715–721. In Russian.

REFERENCES

- Zherebtsov I. L., Taskaev M. V.** *Komi natsional'noe dvizhenie: ot eserov do nashikh dnei*. [Komi natsional'noe dvizhenie: ot eserov do nashikh dnei]. Syktyvkar: IYaLI Komi NTs UrO RAN. 2016. 88 p.
- Zherebtsov I. L., Zagrebin A. E., Sharapov V. E., Yurpalov A. Yu.** Etnograficheskii muzei i identichnost': k predistorii formirovaniya muzeinykh kollektzii permskikh narodov (komi i udmurtov). [Ethnographic Museum and Identity: to the Prehistory of the Formation of Museum Collections of the Perm Peoples (Komi and Udmurts)]. *Izvestiya Komi nauchnogo tsentra UrO RAN*. 2012. Vyp. 1. P. 78–82.
- Zagrebin A. E.** Uuno Taavi Sirelius i ego “etnograficheskaya vera” [Uuno Taavi Sirelius and his “ethnographic faith”]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 2019. № 2. P. 150–166.
- Zagrebin A. E., Kulikov K. I.** Sovetskoe finno-ugrovedenie 1920^{kh}–1930^{kh} gg.: pervye deistviya i protivodeistviya [Soviet Finno-Ugric Studies of the 1920s–1930s: first actions and counteractions]. *Proniknovenie i primeneniye diskursa natsional'nogo v Rossii i SSSR v kon. XVIII – per. pol. XX vv.* [Penetration and application of the national discourse in Russia and the USSR in the XVIII century – trans. paul. XX century]. red. I. Yaats, E. Tammiksaar. Tartu: ENM. 2011. P. 163–176.
- Zagrebin A. E., Kulikov K. I.** Etnograficheskii povорот v “problemnykh polyakh” istorii Udmurtii (1920-e – nach. 1930-e gg.). [Ethnographic turn in the “problem fields” of Udmurtia History (1920s – early 1930s)]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy*. 2014. Vyp. 3. P. 59–70.
- Zagrebin A. E., Mel'nikova O. M.** Konstruirovaniye natsional'noi istorii Udmurtii ot ustnoi istoricheskoi prozy k pis'mennoi istorii (1920-e–1930-e gg.) [Construction of the national history of Udmurtia from oral historical prose to written history (1920s–1930s)]. *Dialog so vremenem*. 2014. Vyp. 48. P. 165–180.
- Zagrebin A. E., Churakov V. S., Vklad M. T.** Markelova v izuchenie etnografii udmurtov [Contribution of M. T. Markelov to the study of Udmurt ethnography]. *Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya*. 2012. № 3. P. 133–139.
- Zagrebin A. E., Sharapov V. E.** K istorii “permskoi ekspeditsii” U. T. Sireliusa [On the history of the “Perm Expedition” by U. T. Sirelius]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 2008. № 1. P. 110–117.
- Zagrebin A. E., Sharapov V. E.** Novye materialy ob ekspeditsii V. P. Nalimova v Udmurtiyu (1926 g.) [New materials about V. P. Nalimov's expedition to Udmurtia (1926)]. *Vestnik Pomorskogo universiteta. Seriya: gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. 2010. № 6. P. 10–14.
- Zagrebin A. E., Yurpalov A. Yu.** Iz istorii etnograficheskogo muzeevedeniya: Izhevskii muzei mestnogo kraia (1920-e gg.). [From the history of Ethnographic Museology: Izhevsk Museum of the local region (1920 s)]. *Vestnik Pomorskogo universiteta. Seriya: gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. 2011. № 10. P. 4–9.
- Kulikov K. I.** Delo “SOFIN”. [The SOFIN case]. Izhevsk: UIYaL UrO RAN. 368 p.

Lekhtinen I. Khranitel' natsional'noi kul'tury [Guardian of National Culture]. *Timofei Evsev'ev: etnograficheskie kolleksii*. [Timofey Evseyev: ethnographic collections]. Ioshkar-Ola: Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo. 2002. P. 7–46.

Nalimov V. P. *Ocherki po etnografii finno-ugorskikh narodov* [Essays on the ethnography of the Finno-Ugric peoples]. Red.-sost. A. E. Zagrebin, V. E. Sharapov. Izhevsk-Sykt'yvkar. 2010.

Ot klassikov k marksizmu: soveshchanie etnografov Moskvy i Leningrada (5–11 aprelya 1929 g.) [From Classics to Marxism: Meeting of Ethnographers of Moscow and Leningrad (April 5–11, 1929)] / pod. red. D. V. Arzyutova, S. S. Alymova, D. Dzh. Andersona. SPb.: MAE RAN. 2014. 511 p.

Revolutsiya dlya vseh. Ankety Vyatskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta kraevedeniya "Vliyanie revolyutsii na byt natsmen" (1924–1927 gg.) [A revolution for everyone. Questionnaires of the Vyatka Research Institute of Local Lore "The influence of the revolution on the life of the national people" (1924–1927)]. Sost., nauch. red., vved. i komment.: A. E. Zagrebina i A. A. Ivanova. Izhevsk–Ioshkar-Ola: UIIYaL UrO RAN, MarGU. 2008. 500 p.

Rogachev M. B. Obshchestvennaya zhizn' v Ust'-Sysol'ske (XIX – nachalo XX vv.) [Public life in Ust-Sysolsk (XIX – early XX centuries)]. *Povsednevnyaya zhizn' Komi kraya*. Sykt'yvkar: IYaLI Komi NTs UrO RAN. 2006. P. 13–33.

Sepeev G. A. Finskie uchenye i traditsionnaya etnografiya mariitsev [Finnish scientists and traditional ethnography of the Mari]. *Finskie uchenye o yazyke i kul'ture mariiskogo naroda*. [Finnish scientists on the language and culture of the Mari people]. Ioshkar-Ola. 2002. P. 81–92.

Sovetskaya etnopolitika, 1930–1940-e gody. [Soviet ethnopolitics, 1930s–1940s] *Sbornik dokumentov* / Sost. L. S. Gatagova. M.: IRI RAN. 2012. 394 p.

Solovei T. D. *Vlast' i nauka v Rossii. Ocherki universitetskoj etnografii v distsiplinarnom kontekste (XIX – nachalo XXI vv.)*. [Power and science in Russia. Essays on University Ethnography in a disciplinary context (XIX – early XXI centuries)]. M.: Prometei. 2004. 498 p.

Teryukov A. I. *Istoriya etnograficheskogo izucheniya narodov komi*. [History of ethnographic study of the Komi peoples]. SPb.: MAE RAN. 2011. 514 p.

Received 18.10.2021.

Zagrebin Aleksei Egorovich,

Doctor of Historical Sciences, Professor, of the RAS,
Udmurt State University,
1, ul. Universitetskaya, Izhevsk, 426034, Russian Federation,
e-mail: zagreb72@izh.com

Sharapov Valerii Engelsovich,

Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher,
Institute of Language, Literature and History of FRS
«Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Science»,
26, Kommunisticheskaya str., Sykt'yvkar, 167982, Russian Federation
e-mail: sharapov.valerij@gmail.com